

Лорд Джон Старк

Джон проглотил свои нервы и все еще чувствовал, как они трепещут у него в животе. В каком-то смысле это было глупо - все еще так нервничать рядом с женщиной, которая была его Леди-женой большую часть года и его верной спутницей уже несколько лун подряд. Они совершали бесчисленные прогулки по садам, и Джон до сих пор не мог поверить, как они оживали под ее присмотром, полные одинаково цветущих днем и ночью цветов, наполненные ароматами, которые он даже не мог себе представить. Иногда она даже сопровождала его в Богорощу и смотрела, как он молится, на смеющееся сердце-дерево. Но почему-то сегодня вечером он почувствовал себя по-другому, какую-то тяжесть, ее рука была тяжелее, чем с тех пор, как они наконец встретились, и он едва мог отдышаться от нахлынувшего на него предчувствия.

Когда он опустился на колени перед сердцем-древом, она села рядом с ним, расправляя юбки, и, как всегда, молча, терпеливо ждала, но не была так спокойна, как обычно. Скорее, она, казалось, почти гудела от чего-то, чему он не мог дать названия, и это раздирало его собственное беспокойство до такой степени, что он даже не знал, что с этим делать. Прошло всего несколько минут, прежде чем он оставил надежду обрести покой и молитву этой ночью и повернулся к ней. При виде ее у него перехватило дыхание; она была прекрасна так, как он не мог описать, и независимо от того, что он думал в то время, так боясь ее отказа, что ходил по своему собственному замку на цыпочках, испуганный и смущенный, она была также добра. Забавно даже, когда она сама этого захотела, и хотя он сам ее не выбирал и не хотел бы, чтобы это случилось так рано, теоретически, он был бесконечно благодарен ей за то, что она здесь, с ним, что она его Леди-жена, его единственный человек, которого никто никогда не сможет отнять у него. Он только надеялся, что она испытывала к нему хотя бы половину этих чувств. "Что-то случилось?" Спросил он неожиданно неуверенно. Половина его сознания была близка к мысли, что она хочет сказать ему, что хочет вернуться к тому, как все было раньше, к вежливой дистанции и явному избеганию, что он стал слишком большой обузой. Он не знал, что бы он сделал, если бы это было так.

Она долго смотрела на него, ее голубые глаза светились золотом в слабом вечернем свете. Она протянула руку, чтобы обнять его, и облегчение на мгновение сжало его крепко и тепло. Она не могла бы вернуться к формальностям одна, если могла вот так прикоснуться к нему. Однако она долго молчала, и Джон почувствовал, как в нем поднимается страх. А вдруг что-то не так? Неужели она заболела? Неужели кто-то причинил ей какой-то вред? Должно быть, она что-то прочла в выражении его лица, потому что наконец на ее красивых губах появилась слабая улыбка. "Все в порядке", - сказала она. "По крайней мере, я на это надеюсь". Длинный вдох, который она сделала, громко задрожал, и Джон повернул свою руку, переплетая их пальцы вместе. Другая рука Маргери поднялась, накрыла его тыльную сторону, и от сильного страха у Джона перехватило дыхание, а грудь снова сжалась. Он взглянул на смеющееся дерево, пытаясь найти хоть какое-то утешение в этом добром лице, но оно не приходило. Он понятия не имел, что делать в такой ситуации, и это всегда приводило его в недоумение. Она провела большим пальцем по костяшкам его пальцев, сделала еще один глубокий вдох. Узлы в животе Джона еще сильнее сжались. "Я беременна", - сказала она.

На одно долгое мгновение весь мир Джона остановился и, казалось, завис. Он не мог ни дышать, ни двигаться, ни говорить. Миллион мыслей пронесся у него в голове. Он сам был едва ли больше ребенка, едва ли взрослый мужчина, несмотря на то, что был женат и спал с ней почти год. Он все еще требовал, чтобы его дядя или тетя сидели рядом, когда он слушал прошения. Он все еще просыпался от ночных кошмаров, говорящих ему 'проснись'. Он до сих пор даже не знал, каким человеком станет, несмотря на все надежды, которые возлагал на себя и свое будущее. Если уж на то пошло, он по-прежнему оставался безродным бастардом,

который скорее найдет способ спрятаться, чем позволит слишком многим людям смотреть на него. Мысль о том, что ему нужно так ответственно относиться к другому человеческому существу, заставила его горло сжаться, а зрение угрожающе побелеть. Если бы они не были в Богороще, он бы, наверное, убежал. Но как он мог это сделать? Он был перед сердцем-древом, перед Старыми Богами своего Лорда-отца, и они видели все, что происходило в их владениях. Как он мог убежать, если они навсегда узнают, что он трус? Он не мог и не хотел навлечь позор ни на свой дом, ни на дом своего отца ... каким-то образом он заставил себя улыбнуться, надеясь, что его, несомненно, слишком большие глаза не выдадут слишком многого. "Это чудесная новость, Миледи", - выдавил он наконец. Он почти мог представить себе, что его голос не звучит сдавленно.

Насколько же он был идиотом? Они спали почти каждую ночь в течение нескольких лун. Она была вся в цветах, а его щетина с каждым днем становилась все грубее. Он брился уже несколько лун, и голос у него был мужской. Большинство их сверстников не вступали в брак до тех пор, пока не становились по крайней мере на несколько лет старше их обоих, а из тех немногих, кто женился так рано, большинство не заводили детей еще много лет спустя. Джон предположил, что это было просто что-то, что он выбросил из головы, чтобы разобраться с этим позже. Но теперь, похоже, наступило время, и если он не хочет еще несколько ужасных лун дистанции между собой и Маргери, ему придется стать взрослым мужчиной и смириться. И он так и сделает. Это было не самое трудное, что ему пришлось сделать. По крайней мере, он так не думал. Хотя, честно говоря, в тот самый момент ему было трудно вспомнить что-либо, что могло бы быть еще тяжелее.

Маргери сжала свою руку и наклонилась ближе к нему, достаточно близко, чтобы прижаться лбом к его лбу. "Ты боишься", - сказала она, и Джон, сглотнув в ответ, ничего не ответил. Он не хотел, чтобы она считала его трусом. Но, возможно, так оно и было. Возможно, эта ответственность окажется для него чем-то большим, чем он мог бы вынести. И ему было невыносимо представить себе ее реакцию, когда она все поняла. "Я тоже", - сказала она, нечаянно вырвав его из буйного круга, который его разум не мог разорвать сам по себе. "Мы так молоды", - сказала она. "Нам все еще нужен регент. Ни один из нас не знает, чего все от нас хотят. Мы все еще..." Она замолчала, и Джон услышал, как она сглотнула. "Но он будет нашим. Наша плоть и кровь, Джон. Мы не можем его подвести". Ее голос на этих последних словах был почти умоляющим, и это одновременно сломило и остановило его, так как он даже не мог себе представить.

Он не делал сознательного выбора, чтобы обнять ее и прижать к своей груди, но тем не менее сделал это, прижавшись подбородком к ее виску. "Да", - услышал он собственный шепот. "Мы не можем".

Джон никогда не знал своей матери - ни ее прикосновений, ни любви, ни уверенности, ни гордости. Но он вырос, точно зная, какой должна быть мать. Он видел это каждый день своей юной жизни, видел это в том, как леди Кейтилин укрывала своих детей, успокаивала их, когда им было больно, учила их жить в этом мире. На краткий миг, когда он сгорал от лихорадки оспы, ему показалось, что он чувствовал эту любовь, но до Маргери он не знал ничего слаще. Он верил, должен был верить, что Маргери станет тем, за чем он наблюдал и никогда не наблюдал, для их детей. Он должен был поверить в это. Поверить в это, даже если ему и не нужно было поверить. Она горячо любила свою семью, и она была так сильна, так много старше своих лет. Если он мог так думать о ней, то должен был верить и в себя, что он может быть для их ребенка тем же, кем был его Лорд-отец для него и его братьев и сестер, кем были для него его дяди. Он должен был это сделать, иначе он никогда не будет достоин ее, всего этого. Однако даже эти слова не избавили его от ужаса, от которого, казалось, кровь застыла в жилах.

"Он будет прелестным маленьким созданием", - продолжила Маргери. Она отпустила тыльную сторону его руки, протянула руку и провела пальцами по его волосам. Несмотря на сложившуюся ситуацию, от этого прикосновения по его спине пробежали искры ледяного жара, заставив его содрогнуться. "У него будут твои прекрасные кудри". Ее пальцы прошлись по его лицу, и он не смог сдержать инстинктивной дрожи, которая все еще пробежала по его телу от ее прикосновений. "Твои щеки, челюсть и рот". Она провела указательным пальцем по его губам, и Джон не смог сдержать резкого вздоха, почувствовав первые признаки возбуждения, несмотря на весь страх, на все то, с чем он не знал, как справиться. "Он будет сильным, добрым и нежным".

"И умным", - вставил Джон, и эти слова зацепили его, хотя он все еще не мог видеть больше, чем какое-то расплывчатое видение ее фантазии. "А также доблестным и свирепым".

"Да", - ответила она, и он подумал, что на этот раз ее имитирование было преднамеренным, нежный выпад, чтобы успокоить его, и это действительно украло часть напряжения прямо из его прямой как шомпол спины. "И мы будем любить его, воспитывать правильно, и мы будем одной семьей, Джон. Настоящей семьей".

Внезапно Джон подавился не испуганным вздохом, а всхлипом. Семья. Одно это слово затронуло что-то настолько глубоко внутри него, что стало больно. Джон вырос среди родственников, но у него никогда не было настоящей семьи, ни одной, которая принадлежала бы ему. Во многих отношениях он был снаружи, заглядывая внутрь, не вполне принадлежа кому-то или чему-то, никогда не будучи в состоянии требовать что-то или кого-то взамен, за исключением, возможно, своего дяди Эртура. Как будто одно это слово сломало что-то внутри него, внезапно большинство его страхов и опасений, казалось, смыло прочь. Ему оставалось лишь воображать теплую, нежную тяжесть новорожденного на своих руках, радость наблюдать, как законнорожденный ребенок его собственной крови делает первые шаги и произносит первые слова, как он учит его владеть мечом и ведет в Богорощу. Нежность, не похожая ни на что, что он когда-либо осмеливался даже вообразить, нахлынула на него. Он не замечал слез до того, как почувствовал влагу на своих щеках, до того, как почувствовал рыдание, рвущееся из горла. Это было больно, очень больно, но это была лучшая боль, которую он когда-либо чувствовал. "Так и сделаем", - промолвил он.

Каким-то образом, так, чтобы он ничего не понял, она высвободилась из его объятий и встала на колени, и в следующее мгновение он почувствовал, что его лицо уткнулось ей в плечо, а её руки крепко обхватили его спину. Она крепко прижимала его к себе, пока раздавались рыдания, прижимала его лицо к своей шее, гладила по волосам, успокаивала, не говоря ни слова. Это больше всего убедило его, наконец, что все действительно будет хорошо.

<http://tl.rulate.ru/book/40965/905950>